

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТИПЫ КОНФЛИКТНОГО ПОВЕДЕНИЯ МЕТОД СТРУКТУРИРОВАННОЙ ОЦЕНКИ

АНДРЕЙ СУШЕНЦОВ

МГИМО (У) МИД России, Москва, Россия

Резюме

В последнее десятилетие дестабилизация приграничья России увеличивает возможность участия страны в конфликтах низкой интенсивности и заставляет руководство проводить линию на более активное обозначение своего военного присутствия в поясе границ. Наблюдается географическое расширение зоны этого присутствия, объясняемого защитой национальных интересов России. Более того, оно охватывает не только страны ближнего зарубежья, но и регионы, относившиеся к сфере влияния Москвы в период «холодной войны». Очевидно, что этот процесс, делая вероятным вовлечение России в локальные вооруженные столкновения, создает риски перенапряжения сил государства. Данная опасность ставит перед научным сообществом задачу выработать алгоритм, призванный обеспечить объективную оценку интересов Москвы в конфликтах, обуславливающий целесообразность вмешательства или невмешательства, а также позволяющий выработать модель поведения России в случае, если ее вовлечение в конфликт уже произошло.

Как ограничить вовлечение России в конфликты низкой интенсивности и не допустить распыления национальных ресурсов? На примере конкретных кейсов: грузино-осетинского конфликта 2008 г. и беспорядков в Кыргызстане в 2010 году – в статье апробируется модель реагирования государственного аппарата, элит и общества России в условиях современных международных конфликтах низкой интенсивности. Она представляет собой алгоритм анализа национальных интересов страны, последовательного исследования целей и тактики в период начала военной эскалации. Алгоритм учитывает политический, экономический, гуманитарный и технологический аспекты участия в конфликте. Предложенная в статье схема дает возможность оценить интересы государства касательно вовлечения в конфликты. Она также применима для подготовки сценариев ситуационных анализов по отдельным конфликтам, находящимся на стадии эскалации, и для оценки перспектив вмешательства.

Ключевые слова:

теория конфликта; внешняя политика России; конфликты низкой интенсивности; внешнеполитический анализ.

С начала 2000-х годов риск вовлечения Российской Федерации в военные конфликты низкой интенсивности возрастает. Нестабильность на многих участках протяженной границы страны вынуждает Москву к более активному обозначению

своего военного присутствия за рубежом. Военные базы России размещены в регионах с высоким потенциалом конфликта: в Южной Осетии и Абхазии, в Молдове, в Армении и Азербайджане, в Кыргызстане и Таджикистане. Россия включена в процес-

Работа выполнена в рамках гранта №15-03-00728 «Сотрудничество и конкуренция традиционных и восходящих центров силы в процессе трансформации мирового порядка и перспективы встраивания России в структуры глобального регулирования».

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: asushentsov@yandex.ru

сы урегулирования в Афганистане и на Украине и не может позволить себе «пустить на самотек» ситуацию в этих странах. Возможное начало конфронтации на Корейском полуострове и в Иране, а также дальнейшая эскалация конфликта на Украине неизбежно приведут к ограниченному вовлечению Москвы.

В последние годы российское руководство расширяет географию военного присутствия. Этот процесс происходит прежде всего за счет регионов, которые относились к сфере военно-политической ответственности СССР в годы «холодной войны». В 2013 г. руководство России предложило разместить российских миротворцев на Голанских высотах на границе Сирии и Израиля¹. Идут переговоры о создании базы российских ВВС на Кипре в непосредственной близости от базы ВМФ России в Тартусе на побережье Сирии. Миротворческие силы РФ принимают участие в операциях ООН по поддержанию мира. Российские миротворцы играют ведущую роль в «замороженных» конфликтах на пространстве СНГ, где в 1990-х годах происходили гражданские и международные конфликты. В 2014 г. образовался новый очаг военного конфликта на границе России с Украиной.

В ближайшее время сокращение российского военного присутствия в поясе ее границ не предвидится. Более того, просматривается тенденция к наращиванию присутствия военных сил России в других регионах. Таким образом, растет вероятность вовлечения России в военный конфликт в качестве миротворца или державы-гаранта «статус-кво».

Происходит ли этот процесс целенаправленно и осмысленно? Или российская мощь растет стихийно, и в этом росте отсутствует момент рационализации и долгосрочного планирования? Главная опасность заключается в возможном перенапряжении сил государства, как это случи-

лось с СССР, когда идеологические приоритеты оказались выше рационального расчета. В этой связи необходима методика оценки степени значимости для России международных конфликтов низкой интенсивности, вовлечение в которые может быть «ползучим». Требуется научная основа для выработки решений об избегании участия в ситуациях, в которых российский национальный интерес присутствует неявно или отсутствует вовсе. Наконец, важно попытаться найти разумный способ оценки поведения внутри конфликта, если вовлечение в него все же произошло.

Статья посвящена анализу сценариев возможных действий политического руководства, элит и общества России в рамках конфликтов низкой интенсивности. В рамках исследования предпринимается попытка осмыслить степень оправданности усиления военного присутствия России в поясе ее границ; готовности ее политического руководства к принятию ответственности за поддержание стабильности в регионах своего присутствия; возможные варианты реагирования российского общества на участие вооруженных сил страны в конфликте вдали от ее рубежей.

В статье предлагается алгоритм анализа национальных интересов России в столкновениях низкой интенсивности, предназначенный для выработки и оценки решений политического руководства страны об участии в международном или внутригосударственном конфликте в период начала его военной эскалации. Практическое использование алгоритма проиллюстрировано примерами политики России в грузино-осетинском конфликте в августе 2008 г. и в ходе беспорядков в Кыргызстане в июне 2010 года.

В теоретико-методологическом плане предлагаемая в статье технология оценки национальных интересов помогает установить присущие любым странам типы конфликтного поведения. В работе демон-

¹ Захарченко И. Чуркин: Россия может направить на Голаны около 300 миротворцев // РИА «Новости». В июне 2013 года. URL: http://ria.ru/arab_riot/20130608/942203812.html (дата обращения: 10.04.2015).

стрируется использование методики на материале российской политики в конфликтах в Грузии и Кыргызстане.

1

В основе теоретической модели анализа международных конфликтов низкой интенсивности лежит аналитический алгоритм, который состоит из четырех сопряженных блоков (политический, экономический, гуманитарный и технологический), рассматривать которые целесообразно в определенной последовательности. Это дает возможность сформировать целостную матрицу значимости интересов страны по конкретному поводу, ее готовности принять участие в протекающем конфликте, а также контуров и вектора развития конфликтной ситуации. Эвентуальная задача алгоритма – рационализировать процесс принятия решения по поводу участия России в международных конфликтах.

Политический блок подразумевает ответ на вопрос о политической целесообразности принятия решения об участии или о неучастии в конфликте. Вопросы в этом блоке также побуждают рассмотреть весь существующий арсенал способов разрешения конфликта.

В блоке *экономических вопросов* оценивается хозяйственный эффект от участия или от неучастия в конфликте, а также степень взаимозависимости России и той страны, в которой происходит конфликт. Дается оценка возможных потерь и приобретений России в зависимости от ее позиции в рамках проблемной ситуации.

Гуманитарные вопросы касаются преимущественно оценки мнения российского общества о политике государства в контексте конфликта. Этот блок позволяет руководству страны определить степень эффективности обратной связи с обществом. На уровне рабочей гипотезы значимость этого фактора в расчетах элит может быть связана с нежеланием населения мириться с издержками непопулярной войны. Например, сложно представить, что российский интерес в Африке, Латинской Америке или Юго-Восточной Азии окажется

столь значимым, что страна будет готова защищать его силой. По крайней мере такое решение будет трудно обосновать общественному мнению.

Блок *технологических вопросов* покрывает сферу практических задач, связанных с участием России в конфликте. Они становятся актуальными после того, как решение об участии принято. Спектр технологических вопросов позволяет инвентаризировать наличные ресурсы, чтобы понять, готова ли страна к военному конфликту и его возможным, более глубоким по воздействию и продолжительным по времени последствиям.

Подобный алгоритм анализа может быть представлен следующим образом.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ (А)

1. *Наличие и потенциал невоенных способов урегулирования военно-политического кризиса.*
2. *Наличие соглашения о военном союзе со страной-участницей конфликта, предполагающего автоматическое вовлечение России.*
3. *Географическая близость конфликта к границам России и возможность дестабилизации ее пограничных районов.*
4. *Степень поддержки российским обществом внешней и внутренней политики правительства в целом.*
5. *Варианты международной реакции на возможные действия Москвы и порог игнорирования этой реакции.*
6. *Наличие консенсуса между элитами и ведомствами по программе действий в конфликте.*
7. *Мера готовности правительства к стрессу, неожиданности и неопределенности в связи с конфликтом.*
8. *Наличие легитимного партнера из числа участников конфликта.*

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ (Б)

1. *Размер прямых иностранных инвестиций России в зоне конфликта.*
2. *Масштаб возможных экономических затрат и потерь в связи с участием или неучастием в конфликте.*

3. *Степень и структура экономической взаимозависимости России и страны охваченной конфликтом по критериям:*

- 3.1. трудовая миграция;
- 3.2. банковская система;
- 3.3. инвестиции;
- 3.4. транзитная и иная инфраструктура.

4. *Потенциальный ущерб от применения экономических санкций к России или стране, охваченной конфликтом.*

5. *Потенциальный прямой и косвенный выигрыш в результате успешного развития конфликта после вступления в него России.*

ГУМАНИТАРНЫЕ ВОПРОСЫ (В)

1. *Количество российских граждан в зоне конфликта.*

2. *Глубина социальных связей россиян и граждан страны, охваченной конфликтом (семейные, дружеские, рабочие связи).*

3. *Размер и влияние в России диаспоры этноса, проживающего в эпицентре конфликта; перспективы радикализации этой диаспоры:*

- 3.1. связь диаспоры с радикальными политическими группами;
- 3.2. влияние на диаспору групп беженцев и нелегальных мигрантов.

4. *Динамика общественного мнения России в связи с конфликтом и факторы влияния на него:*

- 4.1. выступления в печати лидеров общественного мнения;
- 4.2. акценты и различия в освещении событий федеральными и региональными СМИ;
- 4.3. позиция участников социальных сетей и блогосферы;
- 4.4. оперативность освещения федеральными и региональными СМИ происходящих событий, наличие корреспондентов в зоне конфликта;
- 4.5. данные опросов общественного мнения о доминирующих образах восприятия событий и допустимости вмешательства России в конфликт;
- 4.6. успешность пропагандистской работы правительства внутри страны и в мире.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ (Г)

1. *Понимание внутривойскового и международного измерений конфликта:*

- 1.1. знание мотивов действий стороны-партнера в конфликте и солидарность с ними;
- 1.2. устойчивость народной поддержки местного режима и эффективность действий стороны-партнера в конфликте;
- 1.3. степень желательности присутствия российских войск в глазах местного населения;
- 1.4. понимание тенденций развития конфликта во времени.

2. *Наличие плана действий и формулирование критериев победы, в том числе в случае ухудшения ситуации в рамках конфликта.*

3. *Техническая возможность оперативной доставки и эвакуации войск, их бесперебойного снабжения.*

4. *Наличие опыта, знаний и навыков, необходимых для ведения боевых действий в среде конфликта (в том числе знание языка, общества, культуры и религии).*

5. *Правильное определение тактики участия в конфликте, в том числе использование несилевой компоненты («война за умы и сердца»).*

При оценке значимости российских интересов в конфликте, на наш взгляд, первостепенны вопросы политического блока. Результирующий положительный ответ относительно вступления России в проблемную ситуацию должен дополняться также выявлением его приемлемости по шкалам экономического и гуманитарного блоков. Вопросы технологического характера представляются подчиненными и актуализируются только в случае принятия решения об участии в конфликте.

Большинство современных конфликтов низкой интенсивности являются, как известно, не межгосударственными, а внутривойсковыми. При этом в основе своей эти конфликты либо зарождаются при значительном внешнем элементе, либо интернационализируются по мере разветвления. Увеличение вероятности интернационализации внутренних конфлик-

тов обусловлено рядом обстоятельств. В случае с Россией вопрос о вмешательстве может встать в ситуации (1) конфликтности, связанной с неразвитостью государственных институтов. Нередко этническое насилие является следствием (2) эрозии и коллапса государственных институтов, как это произошло в Кыргызстане в 2010 году. Дестабилизация ситуации может наступить вследствие (3) государственного переворота по образцу «арабской весны» или Украины, а также в ситуации (4) гражданской войны (Таджикистан в 1990-х годах, Украина 2014-2015). Россия должна сохранять свободу маневра на случаи (5) провокации гражданской войны экстремистской группой (например, салафитскими объединениями, претендующими на влияние в странах Центральной Азии). Гражданское противостояние в стране также может начаться в результате (6) резкого падения легитимности правящих режимов, или утраты ими способности проводить рациональную политику и выполнять собственные решения. Этот сценарий особенно неудобен для России, потому что открытых поводов для силового вмешательства в таких случаях не представляется. Оно будет выглядеть как подавление восстания народа, который устал от коррумпированной диктатуры. Поводом к вовлечению в затяжной конфликт низкой интенсивности могут стать и (7) пенитенциарные акции, которые перерастают в войну (действия США в Сомали в начале 1990-х годов).

Представляется, что российский правящий класс и общество в целом подходят к анализу интересов государства в международных конфликтах в целом рассудительно. Этому способствует национальный опыт участия в военных столкновениях на границах страны и вдали от них. Вместе с тем Россия продолжает оставаться в сложном, с точки зрения угроз безопасности, окружении. На юге и востоке страна граничит с особенно анархичными и архаичными регионами, в которых часты

военные конфликты. Вышеуказанные характеристики среды привели к формированию внешнеполитической установки России на поддержание международного мира и стабильности, сколь бы хрупки они ни были.

2

Последовательно рассмотрим аналитический алгоритм, поясняя его составные части.

Политические вопросы

Наличие и потенциал невоенных способов урегулирования военно-политического кризиса (А-1). Отвечая на этот вопрос, требуется понять, существует ли альтернатива участию в конфликте. Универсальной рекомендацией должно быть использование по возможности альтернативных путей достижения целей, а вооруженное вовлечение следует рассматривать исключительно как крайнее средство урегулирования. Поучителен опыт Соединенных Штатов, которые вопреки своим национальным интересам приняли вооруженное участие в конфликте в Ираке, предпочтя его иным способам урегулирования ситуации. Цена просчета оказалась слишком высокой.

Наличие соглашения о военном союзе со страной-участницей конфликта, предполагающего автоматическое вовлечение России (А-2). Такая ситуация существует, например, в отношениях России с Арменией, Белоруссией, Абхазией, Южной Осетией. Статья 4 Договора о коллективной безопасности, подразумевает, что агрессия против государства-участника ОДКБ со стороны внешней силы означает автоматическое вовлечение России в этот конфликт².

Географическая близость конфликта к границам России и возможность дестабилизации ее пограничных районов (А-3). Например, дестабилизация политической структуры в Северной Корее в результате эскалации конфликта на Корейском полуострове может повлечь за собой угрозы, на которые Россия будет вынуждена отвечать.

² Статья 4 Договора о коллективной безопасности. URL: <http://www.odkb.gov.ru/b/azb.htm>

Однако вовлечение в этот конфликт не входит в стратегические интересы страны. Более очевидный пример – влияние ситуации в Афганистане на пояс южных границ России. Несмотря на отсутствие непосредственного географического соприкосновения, угрозы, исходящие из этой страны, Россия не может игнорировать. В частности, количество людей, ежегодно погибающих от потребления афганских наркотиков, сопоставимо с потерями в крупном локальном конфликте (около 30 тысяч человек)³.

Мера поддержки российским обществом внешней и внутренней политики правительства в целом (А-4). Непопулярная война приведет к дефициту общественной опоры правительства и будет косвенно способствовать деморализации войск. Ее не сможет вести эффективно любая армия, особенно контрактная. Примером непопулярной военной кампании могут служить действия ограниченного контингента советских войск в Афганистане (1979–1989).

Варианты международной реакции на возможные действия Москвы и порог игнорирования этой реакции (А-5). Значимой особенностью российской внешней политики является ее односторонность, что сближает Россию и США [Надточей 2010]. В различные периоды своей истории Россия позволяла себе самостоятельно определять норму допустимого морально-го поведения в международных отношениях на основе приоритета баланса сил, а позднее – стратегического паритета. Уместно вспомнить циркулярную депешу министра иностранных дел Российской Империи А.М. Горчакова 1870 г. о том, что Россия больше не считает себя связанной условиями Парижского мира, который последовал за Крымской войной⁴. Как показывает практика порог игнорирования Россией международной реакции на ее действия довольно высок.

Наличие консенсуса между элитами и ведомствами по программе действий в конфликте (А-6). Акцент сделан на взаимодействии внутри исполнительной власти. Важно, чтобы не было двусмысленности в отношениях между основными ответственными органами – военным ведомством, министерством внутренних дел, Федеральной службой безопасности и министерством иностранных дел. Разногласия между ведомствами и их руководителями могут привести к саботажу военных приготовлений.

Мера готовности правительства к стрессу, неожиданности и неопределенности в связи с конфликтом; решимость идти до конца (А-7). Считается, что государства с развитой культурой демократического правления менее выносливы в ходе затяжного конфликта. В этом смысле Россия – государство, более выносливое в таких условиях. Но связано это прежде всего с историческим опытом участия нашей страны в многочисленных конфликтах по всему периметру границ.

Наличие легитимного партнера из числа участников конфликта (А-8). Сторона, которой Россия оказывает содействие в конфликте, должна пользоваться поддержкой населения и ее притязания должны быть легитимными. Пример просчета в этой связи – катастрофические действия первого правительства, созданного в Ираке после устранения С. Хусейна, составленного из эмигрантов и оппортунистов, которые, тем не менее, пользовались поддержкой со стороны США.

Экономические вопросы

Размер прямых иностранных инвестиций России в зоне конфликта (Б-1). Интерес к этой тематике связан с оценкой возможных потерь экономики России в случае падения политического режима в интересующем регионе. Подсчитать их несложно, и потому

³ ФСКН насчитала в России 8 млн наркоманов // Интерфакс. 17 сентября 2013. URL: <http://www.interfax.ru/news.asp?id=329389>.

⁴ Горчаков А.М. Циркулярная депеша министра иностранных дел России А.М. Горчакова к представителям России при дворах держав, подписавших Парижский трактат. 31 октября 1870 года. URL: http://www.runivers.ru/doc/d2.php?CENTER_ELEMENT_ID=147156 (дата обращения: 17.04.15).

именно цифры экономических потерь часто используются в материалах СМИ.

Масштаб возможных экономических затрат в связи с участием или неучастием в конфликте (Б-2) – подобные издержки зависят от нескольких параметров: длительность конфликта, масштаб сил, которые в нем задействованы, способ организации правопорядка на территории, где разворачивается конфликт. Будет ли воздействие осуществляться российскими войсками, или это будут местные силы? К примеру, Российская Федерация не осуществляет поддержание правопорядка на территории Южной Осетии, но охраняет границу с Грузией. К этому результату руководство России должно было подготовиться в ходе вовлечения в грузино-осетинский конфликт в 2008 году.

Степень и структура взаимозависимости России и страны, охваченной конфликтом: трудовая миграция, банковская система, инвестиции, транзитная и иная инфраструктура (Б-3). Этот параметр оценить трудно. Например, в городе Ош на юге Кыргызстана в 2010 г. в результате беспорядков погибло значительное число узбеков. У России нет общей границы с этой страной, но в Москве работает значительное количество узбекских трудовых мигрантов, которые не могли остаться безучастными. Возможность дестабилизации ситуации в России в связи с активизацией требований этой группы была велика.

Потенциальный ущерб от применения санкций к России или к стране, охваченной конфликтом (Б-4). Такое развитие ситуации могло произойти в результате эскалации событий вокруг Сирии в 2013 году. По этому пути стали развиваться события и в ходе украинского кризиса в 2014 году – Россия и группа украинских политиков, вместе с лидерами Донбасса оказались под действием санкций, которые наносят заметный экономический ущерб.

Потенциальный прямой и косвенный выигрыш в результате успешного развития конфликта после вступления в него России (Б-5). Опыт последних десятилетий показывает, что экономически в ходе военных столкновений государства проигрывают. Военное решение слишком дорогостоящее и ненадежное с точки зрения долгосрочных стабильных результатов. Заметно большее число ресурсов требуется на поддержание стабильности завоеванных результатов. В этом отношении войны перестали быть экономически эффективными. Так, в ходе иракского конфликта США потратили гораздо больше средств, чем можно было бы выручить от продажи всех энергоресурсов, залегающих в недрах Ирака.

Гуманитарные вопросы

Третий блок вопросов касается гуманитарной проблематики. Это вопросы, которые не затрагивают жизненные интересы России непосредственно. Хотя в известных пяти пунктах Медведева, сформулированных после войны 2008 года, содержится максима о защите безопасности граждан России, где бы они ни находились⁵, только массовая гибель россиян за рубежом может спровоцировать страну на вовлечение в конфликт. По данным Фонда «Общественное мнение» только два процента респондентов в качестве причины вступления России в грузино-осетинский конфликт в 2008 г. назвали гибель российских миротворцев⁶. Гуманитарные вопросы не являются жизненно важными, однако, как показывает гражданский конфликт на Украине, Российская Федерация не может их игнорировать, и вынуждена уделять все более существенное внимание при формулировании генеральной линии своей политики и оценке интересов.

Количество российских граждан в зоне конфликта (В-1). Значительное количество

⁵ «Безусловным приоритетом является защита жизни и достоинства граждан, где бы они ни находились». Интервью Дмитрия Медведева российским телеканалам. 31 августа 2008 года. URL: <http://www.kremlin.ru/news/1276>.

⁶ Российско-грузинский вооруженный конфликт. Фонд «Общественное мнение». Опрос 16–17 августа. 44 субъекта РФ. 100 населенных пунктов. 1500 респондентов. URL: <http://bd.fom.ru/report/map/d083321>.

граждан России в регионе, охваченном конфликтом, увеличивает вероятность их гибели и последующего вовлечения страны в противостояние.

Глубина социальных связей россиян и граждан страны, охваченной конфликтом (семейные, дружеские, рабочие связи) (В-2). Самым драматичным в этой связи является опыт вооруженного противостояния России с Грузией – население двух стран связывают тесные дружеские и семейные связи. Это обстоятельство стало одним из важных стимулов, ускоривших нормализацию ситуации между ними [Сушенцов 2012]. Другой пример – конфликт на Украине, с которой российское общество связывают многочисленные родственные связи (около 30% россиян имеют родственников на Украине).

Размер и влияние в России диаспор этноса, проживающего в эпицентре конфликта (В-3). В случае возможной эскалации конфликта в Кыргызстане в 2010 г. вполне можно было представить, что московские диаспоры узбеков и киргизов потребовали бы российского вмешательства в ситуацию.

Динамика общественного мнения и факторы влияния на него (В-4). Часто общественность плохо осведомлена о мотивах и обстоятельствах, подвигающих стороны на конфликт. Следует особое внимание уделять начальному этапу противостояния, когда формируются первые представления о роли и месте каждой из сторон в системе конфликтной ситуации. Правительство в этот момент должно проводить грамотную информационно-разъяснительную (пропагандистскую) кампанию у себя на родине. Внимание в этом контексте следует уделить нескольким вопросам: выступлениям в печати лидеров общественного мнения и акцентам федеральных средств массовой информации при освещении происходящих событий. Важно, чтобы в зоне конфликта в достаточной степени присутствовали национальные СМИ: собственные репортажи с места событий создают ощущение большего доверия к сообщаемой информации. В частности, в Тбилиси во

время грузино-осетинского конфликта отсутствовали американские журналисты, что позволило грузинским СМИ сформировать у общественности Соединенных Штатов превратное мнение о роли России в ходе его развертывания.

Следует также управлять образами восприятия ситуации. Это – поле публичной политики, и оно предъявляет особые требования к пропагандистской работе правительства внутри страны. Поле восприятий общественных образов стихийно, но внутри него есть процессы, которыми можно и нужно управлять.

Технологические вопросы

Блок находится в конце перечня, поскольку этими вопросами задаются тогда, когда решение об участии в конфликте уже принято, и речь идет о том, как именно государство будет его осуществлять. Спектр задач этого блока касается твердого понимания ситуации, в которую собирается включиться государство, участников этой ситуации, их мотивов и способов, посредством которых они собираются добиваться своих целей.

Понимание внутривнутриполитического и международного измерений конфликта (Г-1), и в первую очередь понимание интересов своего партнера и осознание солидарности с его мотивами (Г-1.1.). В ситуации, когда политическое руководство не солидарно с этими целями, нужно понимать, почему ему оказывается поддержка. Такова логика российской поддержки режима в Сирии. В гражданском конфликте в Сирии правительство России поддерживает президента Б. Асада потому, что с ним связана структура обеспечения безопасности на территории государства. Если она будет разрушена, гражданская война унесет жизни сотен тысяч людей, а региональная нестабильность уничтожит существующие контуры безопасности.

Подпунктом первого вопроса становится параметр устойчивости народной поддержки и эффективности действий страны-партнера в конфликте (Г-1.2.). Кроме того, стоит учитывать степень желательности

сти присутствия российских войск в глазах местного населения (Г-1.3.), а также понимание динамики развертывания конфликта во времени (Г-1.4.). Наконец, следует принимать в расчет временной горизонт достижения цели (Г-1.5.).

Наличие плана действий и формулирование критериев победы, в том числе в случае ухудшения ситуации в рамках конфликта (Г-2) и техническая возможность оперативной доставки, снабжения и эвакуации войск, находящихся в зоне конфликта (Г-3) должны дать основания для трезвой оценки успешности используемой стратегии и возможностей ее оперативного пересмотра.

Наличие опыта, знаний и навыков, необходимых для ведения боевых действий в среде конфликта (в том числе знание языка, общества, культуры и религии) (Г-4). Этот пункт в своем роде — «ахиллесова пята» политики США в отношении проблемных ситуаций на Ближнем Востоке. Нередко Вашингтон слепо следует доктрине демократизации и не задается вопросом о применимости теории демократического транзита к условиям обществ на Ближнем Востоке. Россия оказывается в похожей ситуации в конфликте на Украине: существующие стереотипы ведут к неверным выводам относительно происходящего в этой стране.

Правильное определение тактики участия в конфликте, в том числе применения силы (Г-5). Перегиб в применении силы ведет к росту конфронтации и препятствует достижениям целей. Сегодня приоритетное значение приобретает «война за умы и сердца», то есть привлечение на свою сторону местного населения несиловыми способами и отваживание своих оппонентов от ведения боевых действий.

З

Использование алгоритма для анализа интересов России можно проиллюстрировать на материалах двух конфликтов: грузино-осетинском кризисе 2008 г. и событиях в Кыргызстане в 2010 году.

Грузинский и киргизский казусы существенно различаются. В первом присутствовало нападение государства с ясно

Рисунок 1
Обложка журнала «Эксперт» № 32 (621)
от 18 августа 2008 года

Источник: Сайт журнала

выраженной политической волей, не находящегося в ситуации гражданской войны, способного принимать решения и выполнять их в отношении территории и группы населения, которую Тбилиси считал своими гражданами [Силаев 2009]. Эта ситуация развивалась в контексте европейской и глобальной безопасности: спора о расширении НАТО и о том, кто должен осуществлять миротворческую миссию в Абхазии и Южной Осетии [Войтоловский 2009].

В случае конфликта в Кыргызстане произошла стихийная, спонтанная вспышка этнического насилия. В противостоянии с Грузией мотивы и алгоритмы действий России были очевидны: задача состояла в том, чтобы войти на территорию Южной Осетии и Абхазии, выбить грузинские войска, уничтожить военные силы Грузии. В Кыргызстане, если бы военное вмешательство состоялось, то речь шла бы о ми-

Рисунок 2

Обложка журнала «Коммерсантъ - Власть» №32 (786) от 18 августа 2008 года

Источник: Сайт журнала

ротворческой и впоследствии полицейской операции. Однако российские войска не были готовы к подобной миссии в отдаленной географической точке. В отсутствие условий для вмешательства со стороны России, последствия такого шага могли загнать ситуацию в тупик.

Остановимся на анализе гуманитарного блока вопросов, связанных с грузино-осетинским конфликтом. Выше приведена обложка выпуска журнала «Эксперт» (Рис. 1), посвященного грузино-осетинскому конфликту. Помещенным на нее изображением редакция дает аудитории двойственный сигнал. С одной стороны, это победа России над войсками Саакашвили, с другой – это сигнал о том, что война прекращена быстро и малой кровью.

Журнал «Коммерсантъ Власть» (Рис. 2) побуждает читателя испытать стыд за действия России в конфликте с Грузией. Редакция журнала указывает на психоло-

Рисунок 3

Обложка журнала «Русский Newsweek» № 26 (294) от 21-27 июня 2010 года

Источник: Сайт журнала

гический комплекс, который, как считает «Коммерсантъ», имеется у руководства России.

Обложка журнала «Русский Ньюсвик» (Рис. 3), отразившая киргизские события в Оше и Джелалабаде в июне 2010 года, содержит изображение киргизского солдата, который держит в руках узбекского ребенка. Подпись к фотографии («Чужое горе. Почему Россия не остановила резню в Киргизии?») побуждает читателя осудить действия правительства России в этом конфликте. Позиция редакции трех ведущих аналитических журналов в стране отражает спектр оценок политики Москвы в рассматриваемых конфликтных ситуациях. СМИ чутко реагируют на изменение общественного мнения россиян в связи с конфликтом и сами являются одним из факторов влияния на него.

Приведем данные опросов общественного мнения, которые следует учитывать,

принимая решение о политике в отношении двух указанных конфликтов.

Вопрос: *«Есть ли у России продуманный внешнеполитический курс – или ее внешняя политика сводится к реагированию на сиюминутные обстоятельства?»⁷.*

	01.05	01.06	01.07	01.08	01.09	01.10
Есть продуманный внешнеполитический курс	41	41	45	60	49	48
Внешняя политика сводится к реагированию на сиюминутные обстоятельства	40	36	33	21	27	27
Затруднились ответить	19	23	22	19	24	25

Большинство россиян полагает, что у страны есть продуманный внешнеполитический курс. Примерно треть полагает, что элита руководствуется сиюминутными обстоятельствами. В целом рейтинг внешнеполитического ведомства России довольно высокий, он держится на уровне 45 процентов на протяжении многих лет⁸. Практический вывод из этих данных может состоять в том, что у внешнеполитического курса России есть репутация осмысленной политики, которой доверяет население. Это дает политикам определенную свободу при принятии решений.

Опрос «Левада-центра» от августа 2006 г. о грузино-югоосетинском конфликте демонстрирует, что до эскалации конфликта в 2008 г. россияне в целом не вполне представляли, что нужно делать с этой ситуацией.

Вопрос: *«Как Россия должна вести себя в грузино-абхазском и грузино-осетинском конфликтах?»⁹.*

России нужно поддержать Абхазию и Южную Осетию в их стремлении добиться независимости	22%
России нужно поддержать стремление Грузии сохранить свою территориальную целостность и подавить сепаратизм	3%
России нужно сохранить свои миротворческие войска в зоне грузино-абхазского конфликта, не поддерживая ни одну из сторон	27%
России нужно вывести свои миротворческие войска из зоны грузино-абхазского конфликта и предоставить грузинам, абхазам, осетинам самим разбираться в своих проблемах	19%
России нужно поддержать идею введения на территорию конфликта миротворческих сил ООН или ОБСЕ	8%
Затрудняюсь ответить	21%

По сути, россияне делегировали принятие решения политическому руководству страны. Хотя половина и считала, что следует сохранять статус-кво, пятая часть респондентов полагала, что нужно поддержать независимость Осетии и Абхазии. Процент изоляционистов также был высок – одна пятая. В августе 2008 г. цифры были другие: 75% опрошенных было в пользу того, чтобы вмешаться и только 5% – против.

В этом контексте позволительно процитировать статью журналу «Эксперт», в которой уловлено настроение, царившее в российском обществе в первые дни грузино-югоосетинского конфликта: «Россияне испытали большое напряжение. Россия молчала, и было ощущение, что мы сдали осетин. Информация о нашем участии в конфликте принесла большое облегчение, хотя и неокончательное»¹⁰. Данные, полученные в ходе протекания конфликта (опрос 10-11 августа 2008 года) показывает, что 98% россиян, имеющих

⁷ Опрос «Левада-Центра», 2005–2010 гг. 1600 человек. URL: <http://www.levada.ru/archive/strana-i-mir/est-li-u-rossii-produmannyi-vneshnepoliticheskii-kurs-ili-ee-vneshnyaya-politik>

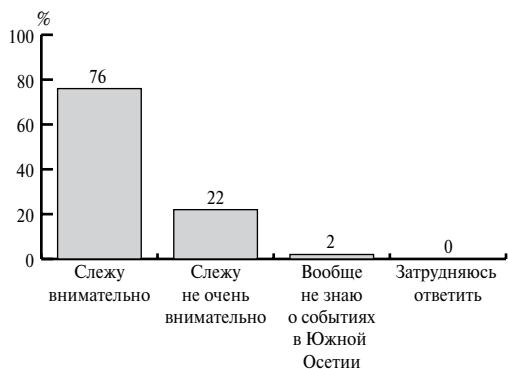
⁸ Внешняя политика и российское общественное мнение. ВЦИОМ. 11 марта 2013 года. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=270&uid=113727>

⁹ Опрос «Левада-Центра». Август 2006. 1600 человек. URL: <http://www.levada.ru/11-08-2008/gрузия-istoriya-konflikta-v-rossiiskom-obschestvennom-mnenii>

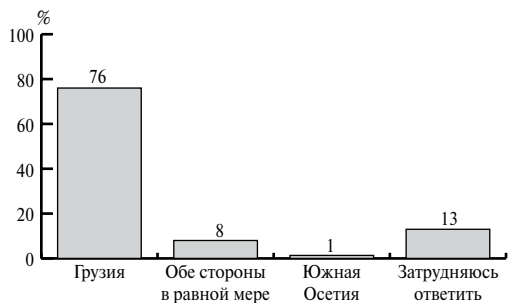
¹⁰ Агарков М., Власова О., Мирзаян Г., Силаев Н. Непропорционально убедительная победа // «Эксперт», №32 (621) 18 августа 2008. http://expert.ru/expert/2008/32/непропорционально_убедительная_pobeda

доступ к телевизору, следило за этим конфликтом.

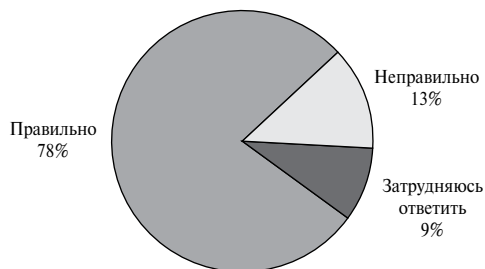
Вопрос: «Вы следите за событиями, которые происходят в последние дни в Южной Осетии?»¹¹.

Вопрос: «Кто виноват в том, что в Южной Осетии начались крупномасштабные военные действия – Грузия или Южная Осетия?»¹².

Три четверти респондентов ответили, что виновата в конфликте Грузия. Крайне непопулярный ответ: обе стороны. Один процент: Южная Осетия. Из этого контекста прямо вытекает ответ на следующий вопрос: «Правильно ли поступило руководство России, направив российские войска для

участия в боевых действиях в Южной Осетии?»¹³.

Правильно, – говорит большинство.

Позиция лидеров общественного мнения в целом соответствовала тенденциям общественных настроений. Лидер КПРФ Геннадий Зюганов не был удовлетворен результатом: «Гордиться можно было бы в том случае, если бы Россия довела операцию до логического конца и уничтожила всю военную инфраструктуру Грузии. Это надо было сделать, чтобы им неповадно было еще раз развязывать агрессию против соседей. Конфликт должен послужить нам уроком: мы должны настаивать, чтобы Южная Осетия и Абхазия были официально признаны и никогда больше не были в составе Грузии»¹⁴.

Владимир Познер, телеведущий, президент Академии российского телевидения: «У России не было другого выхода, кроме как вмешаться в конфликт. Но то, что последовало за этим, у меня вызывает множество вопросов»¹⁵.

Тина Канделаки, телеведущая: «Да, я горжусь своей родиной, ее культурой, гостеприимством и своими соотечественниками. Но сейчас мне стыдно за руководство Грузии, которое забыло о том, что такое быть грузином. Также я горжусь и радуюсь любым победам своей второй родины, России, и очень трепетно переживаю ее неудачи»¹⁶.

¹¹ Фонд «Общественное мнение». Телефонный экспресс-опрос городского населения РФ (47 городов, все федеральные округа). Сроки проведения опроса: 10–11 августа 2008 года. Объем выборки 1000 респондентов. URL: <http://bd.fom.ru/report/map/az/O-9/dom0832/osetia01>

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Вы теперь гордитесь страной? // «Коммерсантъ Власть», №32 (786), 18.08.2008. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1011982/print>

¹⁵ Там же.

Александр Ткачев, губернатор Краснодарского края: «Я горжусь страной, которая вопреки записным “гуманистам” решительно остановила поджигателей Кавказа и взяла под свое крыло слабых и беззащитных. Уверен, что и в Грузии многие понимают, на чьей стороне Бог и правда»¹⁷.

Таким образом, защита Южной Осетии была важна для России не только как защита ее интересов на Кавказе, но также и защита российских ценностей и универсальных принципов справедливости: помогать слабому, наказывать агрессора, не позволять убивать женщин и детей. Директор ВЦИОМ В. Федоров в интервью резюмировал: «Мы там не потому, что это наш национальный интерес, а потому, что не быть там сегодня — аморально. Пусть мы несем потери, человеческие, экономические, имиджевые, но мы поступили морально, правильно. Мы защитили справедливость»¹⁸.

Обратимся к вопросу о вариантах международной реакции на возможные действия Москвы и пороге игнорирования этой реакции (А-5). Следующая иллюстрация воспроизводит обложку британского журнала «Экономист» (Рис. 4), посвященного событиям грузино-осетинского конфликта 2008 года.

Редакционная статья, вышедшая в этом номере, позволяет одновременно понять главную тенденцию освещения этого конфликта в Великобритании и шире — на Западе, а с другой — понаблюдать пример использования двойных стандартов по отношению к России: «Его (Саакашвили) рискованное мероприятие в Южной Осетии было глупым и, вероятно, преступным. Но, в отличие от господина Путина, он вел свою страну в широкое демократическом направлении, обуздывал коррупцию и достиг быстрого экономического роста, основанного, в отличие от России, не на высоких ценах на энергоносители»¹⁹.

Рисунок 4
Обложка журнала “The Economist”
от 16 августа 2008 года

Источник: Сайт журнала

Второй пример использования предложенного алгоритма относится к анализу политики России в ходе беспорядков в Кыргызстане в июне 2010 года. Эти события произошли на узбекско-киргизской границе и больше всего затронули населенные пункты Ош и Джелалабад. После свержения режима Курманбека Бакиева в Кыргызстане часть его клана попыталась отыграть позиции в борьбе с узбекской бизнес-элитой, проживающей в южной части страны. Такой шаг повлек за собой кровопролитное противостояние, длившееся несколько дней и унесшее жизни нескольких сотен человек. В контексте принятия решения об использовании Россией

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Федоров В.В. Нам нужны сверхэкономические ценности. Интервью с генеральным директором ВЦИОМ // РБК daily. 11 сентября 2008 года. URL: <http://rbcdaily.ru/politics/562949979008128>.

¹⁹ Russia resurgent // Economist. August 14, 2008. URL: <http://www.economist.com/node/11920701>.

военной силы, было важно понять, какой природы этот конфликт. Установив, что в регионе произошел коллапс государственных институтов и правительство временно утратило монополию на насилие, Россия решила не направлять миротворцев и ограничилась размещением небольшого контингента, усилившего безопасность российской военной базы, находившейся неподалеку от Бишкека. Кроме того, была оказана финансовая и техническая поддержка новому киргизскому правительству в установлении порядка.

С точки зрения участия в конфликтах низкой интенсивности, в политике России нельзя выделить этапов, она вся подчинена единой логике – стремлению Москвы адаптироваться к быстро меняющимся обстоятельствам при строгом учете собственных интересов. Нужны особые обстоятельства, которые побудят Россию к вовлечению в конфликт. Российские интересы в Кыргызстане в событиях 2010 г. не были столь же значимыми, даже несмотря на то что в стране находилась российская военная база (географически в другой ее части).

Данные социологических опросов подчеркивают осторожную позицию российского общества по поводу участия российских вооруженных сил в конфликте в Кыргызстане. Только 15% утверждало, что их очень беспокоило то, что происходит в Киргизии. В какой-то мере эта ситуация беспокоила 51 % респондентов – заметное число²⁰. Россияне в большинстве своем не

хотели, чтобы страна втягивалась в этот конфликт: 43% выступало против отправки войск²¹. Общество прежде всего стремилось избежать односторонней вовлеченности в этот конфликт, распыления ресурсов для участия в необязательной войне. Таким образом, киргизский случай показывает, что с точки зрения участия в конфликтах в России довольно зрелое общество, оно понимает «цену войны». Современный российский социум выступает с позиций изоляционизма и не стремится вмешиваться в чужие дела. Если там не затронуты жизненные интересы страны, Россия, скорее всего, будет искать невоенные способы разрешения конфликтной ситуации.

Предложенный в статье алгоритм анализа разрабатывался для оценки интересов государства по участию в конфликтах низкой интенсивности в период эскалации. Он мало применим для анализа национальных интересов и целеполагания в процессе мирного урегулирования конфликтов, для этого нужны другие методы. Нами решалась узкая задача – выработка метода оценки национального интереса в конфликте, который входит в насильственную фазу. Предложенный алгоритм также применим для подготовки сценариев для ситуационных анализов по конкретным конфликтам на стадии эскалации и для оценки перспектив вмешательства.

Список литературы

- Войтоловский Ф.Г. Нарастающая конкуренция внешних акторов на постсоветском пространстве / Россия в мировой экономике и международных отношениях. Мировое развитие. Выпуск 5. / Отв. ред.: Ф.Г. Войтоловский и А.В. Кузнецов. М.: ИМЭМО РАН. 2009. С. 45–52.
- Надточей Ю.И. Феномен односторонности в политике США и России // Международные процессы. 2010. Т. 8. № 3(24). С. 85–95.
- Силаев Н.Ю. Двадцать лет расходящимся курсом/ что привело Россию и Грузию к войне // Россия в глобальной политике. 2009. Т. 7. № 5. С. 103–114.
- Сушенцов А.А. Грузинское направление внешней политики России: негативный сценарий // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 6. С. 34–39.

²⁰ Опрос «Левада-Центра». Июнь 2010 г. 1600 человек. URL: <http://www.levada.ru/archive/rossiya-i-strany-sng/bespokoit-li-vas-chto-proiskhodit-seichas-v-kingizii>.

²¹ Конфликт в Киргизии. Опрос «Фомнибус» 19–20 июня. 100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 2000 респондентов. URL: bd.fom.ru/pdf/d24kvv10.pdf.

NATIONAL TYPES OF CONFLICT BEHAVIOR

ANDREY SUSHENTSOV

MGIMO–University, Moscow, 119454, Russia

Abstract

In the latest decade, destabilization close to the Russian borders has been increasing the risk of the country's participation in low-intensity conflicts and makes Moscow insist on its military presence in neighboring territories. Moreover, there has been a tendency for Russia's zone of military presence to geographically expand to include not only neighboring countries, but also regions associated with the Soviet sphere of interest in the Cold War period, which is vital to ensure its national interests. Whether it is purposefully or spontaneously done, the process obviously increases the risk of Russia's involvement in military conflicts and may lead to an overexertion of state power. This danger sets scholars with the task of working out an algorithm to help in formulating an objective evaluation of Moscow's interests in a conflict and the practicality of involvement or non-involvement, as well as to work out a policy in case Russia is already involved.

The research contains an analytical model for national interest evaluation in contemporary international low-intensity conflicts in forecasting how Russia could possibly limit its involvement in such contingencies and avoid the dissipation of its resources. The study is based on the cases the Georgian–South Ossetian conflict in 2008 and the riots in Kyrgyzstan in 2010. The analytical model is an algorithm for assessing Russia's national interests in low-intensity conflicts through consistent research on the interests, goals, and tactics related to the possible actions of our country could engage in at the beginning of the military conflict's escalation. The algorithm includes political, economic, humanitarian, and technological aspects of participation in conflicts. It also helps to assess the interests of a state concerning its involvement in low-intensity conflicts during their escalation. It is applicable in preparation for situation analyses of various conflicts in their escalation phase and in assessing the risks of involvement.

Keywords:

conflict theory; Russian foreign policy; low intensity conflict; foreign policy analysis.

References

- Nadtochei Yu.I. (2010). Fenomen odnostoronnosti v politike SShA i Rossii [Unilateralism phenomenon in the US and Russian policies]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 8. No. 3(24): 85–95.
- Silae N.Yu. (2009). Dvadsat' let raskhodiashchimsia kursom/chto privelo Rossiiu i Gruziiu k voine [20 years of divergent course/ what brought Russia and Georgia to war]. *Rossiiia v global'noi politike*. Vol. 7. No. 5: 103–114.
- Sushentsov A.A. (2012). Gruzinskoe napravlenie vneshnei politiki Rossii: negativnyi stsenerii [Russian Georgian foreign policy: a negative scenario]. *Vestnik MGIMO–Universiteta*. No. 6: 34–39.
- Voitolovskii F.G. (2009). Narastaiushchaia konkurentsiia vneshnikh aktorov na postsovet'skom prostranstve [Increasing rivalry of external actors in the post-Soviet space]. In: F.G. Voitolovskii i A.V. Kuznetsov (eds.) *Rossiiia v mirovoi ekonomike i mezhdunarodnykh otnosheniakh. Mirovloe razvitie [Russia in world economy and international relations. World development]. Edition 5*. M.: IMEMO RAN: 45–52.

The author would like to acknowledge the financial support of the Russian Foundation for Humanities in preparing this publication within the framework of the research project №15–03–00728 “Cooperation and competition of traditional and rising centers of power in transforming world order and prospects of Russia's incorporation in the structures of the of global regulation”.